

В. Г. Андреева

Тысячелетнее царство Христово в «Книге бытия моего» Епископа Порфирия (Успенского)

Автор обращается к идеям христианского социализма, отчасти прослеживаемым в «Книге бытия моего» Епископа Порфирия (Успенского), показывает, что начальник первой русской духовной миссии в Иерусалиме Епископ Порфирий был знаком с учением Фелисите Робера де Ламенне, в определенный жизненный период разделял идеи французского аббата и философа, однако, обладая удивительным чувством меры, всегда осознавал их ограниченность. Автор статьи рассматривает ряд важных событий в жизни Епископа Порфирия, анализирует его отношение к некоторым несправедливостям и недостойным поступкам окружающих, наблюдает, как вслед за человеческим возмущением к нему приходит истинная мудрость и смирение священника. Епископ Порфирий радел, прежде всего, за утверждение человеческого братства, авторитета Церкви на основе единой веры в сердцах людей. Именно этот момент сближает его с Ламенне, как раз данная идея осталась для Порфирия незабываемой – все воззвания и революционные взгляды, разделяемые им в конце 1840-х и начале 1850-х гг., в дальнейшем были переосмыслены.

Ключевые слова: Епископ Порфирий (Успенский), русская духовная миссия в Иерусалиме, Ламенне, православная церковь, идеи христианского социализма.

V. G. Andreeva

Thoughts of Christ's Thousand-Year Kingdom in «the Genesis by Mine» of the Bishop Porfiry (Uspensky)

The author of the article addresses the ideas of Christian socialism partly traced in «the Genesis by mine» of the Bishop Porfiry (Uspensky) shows that the chief of the first Russian spiritual mission in Jerusalem Bishop Porfiry was familiar with the doctrine of Felicite of Robert de Lamenne, during a certain vital period shared the ideas of the French abbot and the philosopher, however, possessing surprising sense of proportion, always realized their limitation. The author of the article considers a number of important events in life of Bishop Porfiry, analyzes his attitude towards some injustice and unworthy acts of people around, observes how after human indignation to him the true wisdom and humility of the priest comes. Bishop Porfiry took care, first of all, of the statement of human brotherhood, authority of Church on the basis of uniform belief in the hearts of people. This moment makes him closer with Lamenne, just this idea remained for Porfiry firm – all appeals and the revolutionary ideas which were shared by him at the end of the 1840-s and the beginning of the 1850-s years, have been rethought further.

Keywords: Bishop Porfiry (Uspensky), Russian spiritual mission in Jerusalem, Lamenne, Orthodox church, ideas of Christian socialism.

Магистр богословия, доктор эллинской словесности, Епископ Порфирий (Успенский) знаменит как начальник первой русской духовной миссии в Иерусалиме. Начиная с 1840-х гг., а именно с 1842 г., со времени командировки на Восток для ознакомления с нуждами православия в Палестине и Сирии, о. Порфирий совершает многочисленные путешествия по восточным монастырям.

Костромич, выпускник Костромского Духовного Училища и Костромской семинарии, Санкт-Петербургской духовной академии, Порфирий в течение всей жизни расширял свой кругозор, собирал и анализировал ценные для науки и богословия данные и сведения. Он знал несколько иностранных языков (классических и новых), обладал неутомимой энергией.

Будучи натурой внимательной и чуткой, обладая даром слова, тонким художественным вкусом, Порфирий удивительно верно подмечал многие

особенности религиозной жизни своего времени: им написано около сотни трудов по истории и современной ему жизни Египта и Синая, Афона, ряд работ о книжниках и проповедниках. Особенно примечательна «Книга бытия моего» – дневник, который вел Порфирий около 40 лет. Этот дневник, составляющий семь томов, – удивительная книга наблюдений, откровений, рассуждений и выводов глубоко верующего человека, ученого и монаха, радевшего о преображении действительности.

Свою жизнь Порфирий не мог представить в затворничестве, в уединении на краю России, в одном из далеких русских монастырей. В «Книге бытия моего» он описывает свой вещий сон и последовавшее за этим сном страшное для него известие о ссылке в Сергиеву Пустынь «в число тамошнего братства». Эмоциональные восклицания Порфирия очень хорошо передают, каким наказанием могло оказаться для него это затворничество. «Боже мой!

В чем я виноват?» – восклицает Порфирий [4, с. 124]. Он не отвергает уединенную келью, в которой готов молиться о мире всего мира, но подобное затворничество означало бы для него конец просветительно-исследовательского пути: «Бог зовет меня на небо путем тернистым. Да будет воля его...; только бы уйти мне с земли так, как шли отсюда Антоний, Лествичник, Дамаскин, Радонежский и Ростовский подвижники. Земля – не отечество человека. Это – сад Божий, в который он на время посылается делать и хранить его. Делать? А что я воздал? Ничего. До сей поры я только вычислял, мерил, взвешивал, и то ошибочно, не верно, не точно. Из души моей стремился поток видений, но и тот потерялся в песках. Из основы бытия моего развивалась ткань добра, но и та – недорогая. Где же я буду делать? В пустыне? Ах! Не любо мне половинчатое, отрицательное существование в пустыне теперь, когда жизнь может дать сочные и благовонные плоды» [4, с. 125].

План удаления Порфирия из Петербурга был связан, скорее всего, с его вольными высказываниями и несдержанностью. Епископ Порфирий никогда не был натурой смиренной, дух борца, сила протivления очень хорошо выразились и в его стремлении воспрепятствовать ссылке в Сергиеву Пустынь.

Сначала Порфирий выпытывает у архимандрита Филадельфа решение своей участи, потом, после горячей молитвы, едет в «азиатский департамент», узнает у директора Сенявина информацию об организации духовной миссии в Иерусалим и находит в лице его заступника. Сенявин просит графа Протасова съездить в Синод и попросить митрополита Антония, сам Порфирий после этого в беседе излагает графу Протасову свою проблему, навещает посланника Титова, беседует с синодальным директором Войцеховичем, после чего вопрос о поездке Порфирия в Сергиеву Пустынь уже не ставится. Так перед нами открывается способность Порфирия понимать смысл своей глобальной работы и слагать свой собственный путь.

Порфирий чувствовал в себе силы проповедника, находил энергию в новых поездках, не случайно осенью 1847 г. ему так хочется поскорее выбраться из дождливого Петербурга. Общительный по природе человек, Порфирий чувствовал свое призвание в изучении истории православной церкви, в установлении контактов и связей между христианами разных стран и народов. Он был в первую очередь монахом, священнослужителем, богословом, а потом уже ученым, философом. Как глубоко верующий человек, он рассуждает о грядущих преобразованиях жизни, о людях. Профессор С. Голубев отметил: «Преосв. Порфирий в качестве эпитафии к одному из своих сочинений поместил следующее изречение Лафатера: “Отыскивать истину в пута-

нице понятий, предощущать ее, находить ее, исправлять свои ошибки, – вот моя утеха, мое старанье”. Эпитафия выбрана очень удачно. Он верно характеризует всю научно-литературную деятельность преосв. Порфирия. Любовь к истине была ему присуща, усилия к отысканию ее были велики, а приобретение ее всегда доставляла ему чистую радость» [1].

Автор немалого количества ученых трудов, Порфирий искал пути разрешения хорошо заметных ему противоречий и конфликтов не только в области православия и устройства Церкви, но и в политике, в общественной жизни. Внимательный анализ записок Порфирия позволяет говорить о близости его взглядов к христианскому социализму, одной из центральных идей которого была идея преобразования мира и общества путем нравственного совершенствования людей. Разумеется, в рассуждениях Епископа Порфирия, человека глубоко верующего и воцерковленного, мы видим лишь частичное совпадение с идеями христианского социализма. Но в контексте событий и мнений середины и второй половины XIX в. эти мировоззренческие зерна очень значимы.

По-видимому, наиболее близки были Порфирию идеи Фелисите Робера де Ламенне – французского философа, философа и литератора, публициста и философа, одного из основоположников христианского социализма. В «Книге бытия моего» Порфирий подчеркивает проповедническую силу книг Ламенне, способную, по его мнению, начать глобальные общественные и мировоззренческие преобразования.

Услышав возмутительную для него весть о том, что молдавский господарь Стурдза решил отнимать имения у Святых мест, Епископ Порфирий, вслед за аббатом Ламенне, говорит о свободе, равенстве и братстве. Порфирий не столько обвиняет несправедливые действия бояр, сколько удивляется их ограниченному видению. По мнению Епископа, раздел между церковью и государством приведет к перестройке современного общества: «Князья и бояре, лишая церковь имений, вводят раздел между нею и государством. <...> Но мы, духовные, проклянем их, останемся в союзе с народом и будем читать ему “Слова верующего” и “Книгу народа” аббата Ламенне. <...> Во Франции сила отняла имения у церкви, зато коммунизм угрожает тамошним владельцам и богачам полным разорением. А где там король, князья, бояре? Дворники метлами метут их короны и шляпы» [4, с. 346].

Такие высказывания Порфирия не часты, однако, встречаясь в его дневниках, они звучат очень революционно. Как не вспомнить тут воззваний Ламенне: «Свобода засияет над вами лишь тогда, когда вы, смелые и настойчивые, отряхнете с себя всякое рабство. Свобода засияет над вами, когда вы

скажете от глубины души: “Мы хотим быть свободны”, когда, чтобы добиться этого, вы будете готовы пожертвовать всем и претерпеть все [3].

По мнению Ламенне, критерий истины лежит не в индивидуальном уме, а в убеждении народов, церковь опирается на веру народную, и ее авторитет несоизмеримо велик, по сравнению с авторитетом власти. Государство, по мнению Ламенне, должно прислушиваться к мнениям Церкви, внимать ее наставлениям. В 1830 и 1840-е гг. Ламенне проникается революционными идеями, провозглашает свободу совести, свободу печати и свободу обучения. В это время в программных выступлениях и работах аббата и философа появляются идеи отделения Церкви от государства, соблюдения прав и свобод личности, установления всеобщего голосования, децентрализации власти.

Конечно, сам Ламенне не стал бы призывать французов к радикальным революционным переворотам, его политическим идеалом была христианская монархия, однако веяния времени сделали свое дело: Ламенне во многом выступил в рядах социалистической оппозиции, он отвергал политический и экономический строй, который противоречил религии. Но методы его борьбы разительно отличались от того насилия, которое неизменно сопровождало каждую революцию. Ламенне готов был отстаивать подвигнические идеи, проповедовал любовь и братство, ради которых любой человек, по его мнению, должен был пожертвовать собой.

Возникновение социалистических надежд и чаяний европейского человечества восходит к неразгаданной до сих пор двадцатой главе «Откровения святого Иоанна Богослова»: «И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет. Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это – первое воскресение» (Откр. 20:4).

Ламенне искренне верит в скорое пришествие тысячелетнего царства Христова. По мнению Ламенне, с течением времени люди должны осознать истинный смысл религии, прийти к единению на основах добра и взаимной любви. Приведем отрывок из одной из самых известных книг Ламенне – трактата «Слова верующего» (1834): «И эти народы, и эти нации, поднимаясь с ложа своих страданий, так начали себе говорить: “Откуда наши страдания и наше томление, и голод и жажда? <...> И ум их прояснился, и они поняли, что сыны Божии, братья Христа, не были осуждены их Отцом на рабство, и что рабство было источником всех их бедствий. <...> “Спасемся или умрем вместе”. И

сказав это, они почувствовали в себе божественную силу, и я услышал, как треснули их цепи, и они шесть дней сражались против тех, кто заковал их, и на седьмой день они были победителями, и седьмой день был днем отдыха. И земля, бывшая сухой, зазеленела, и все могли питаться ее плодами, и уходить и приходиться, и никто не говорил им: “Куда идете? Здесь нельзя пройти”. <...> И не было ни бедных, ни богатых, но все имели в изобилии то, в чем нуждались, ибо все любили друг друга и помогали друг другу, как братья. И голос, подобный голосу ангела, раздался в небесах: «Слава Богу, который дал своим детям разумение, любовь и силу! Слава Христу, который вернул своим братьям свободу!» [3].

В «Книге бытия моего» очень хорошо заметны созвучные идеям Ламенне мысли и высказывания. После изучения обер-прокурором св. Синода записок Епископа Порфирия о Сирийской церкви, автора вызвали для разговора. В тексте отчета, сделанном Порфирием, были отмечены некоторые выражения, которые вызвали замечания.

Как отмечает Порфирий, достаточно вольным шестостоящим лицам показалось его выражение: «Свобода и правда суть насущный хлеб народов» [4, с. 137]. Вне всякого сомнения, Порфирий в данном отчете представляет свободу приблизительно так же, как и французский философ Ламенне.

Еще более выразительными оказываются некоторые словосочетания Порфирия, вызвавшие нарекания свьше: «Сирийский архиерей есть человек Божий и вместе народный»; «это человек народный, который не получает жалования от правительства» и др. А сделанное Порфирием сравнение Баламандского монастыря с ульем Божьим, которое было названо церковными сановниками излишней поэтизацией, перекликается с образом улья в книге Ламенне: «Земля подобна громадному улью, и люди на ней как пчелы. Каждая пчела имеет право на долю меда, необходимую для ее существования, и если среди людей есть такие, которым недостает этого необходимого, так это потому, что справедливость и милосердие ушли от них. Справедливость – это жизнь; и милосердие – это опять жизнь, наиболее благодатная и обильная жизнь» [4, с. 137].

Как и аббат Ламенне, Епископ Порфирий радел, прежде всего, за утверждение человеческого братства, авторитета Церкви на основе единой веры в сердцах людей. Любые охранительные меры в отношении свободы слова казались и Ламенне, и Порфирию излишними, главенство Церкви, по мнению обоих, должно было наступить естественно, в силу прозрения людей.

Именно поэтому Порфирий, отправляющийся в Иерусалим в качестве посланника, так критически воспринимает тот факт, что учреждение русского монастыря и училища при нем в Иерусалиме отла-

гаются по предосторожности, «как бы не наделать шуму в Европе». «Православие! Православие! Тебе велят быть луною, а не солнцем», – замечает Порфирий.

Не раз осуждаемый за прямоту и резкие замечания в России, Епископ Порфирий, тем не менее, не оставлял своих литературных пророчеств. Именно как видение, как знание грядущего излагает он некоторые свои мысли. Образ будущего братства людей, основанный на истинном религиозном единстве, так характерный для трудов Ламенне, мы видим и у Порфирия: «Но будет новое небо и новая земля, то есть обновленная вера и новая общежительность народов, без монархий, без республик, под управлением одних первосвященников, мудрейших и святейших. <...> Народы утомятся нечестием, развратом, деспотизмом и тупоумием правителей их и, плюнув на них, пойдут к первосвященнику за благословением на новую евангельскую жизнь» [4, с. 139].

Эти образы нового неба и новой земли, раскрывающие идеи утверждения тысячелетнего царства Христова и воцарения за ним вечной праведной жизни, очень хорошо показывают, как близки были Епископу Порфирию многие взгляды христианского социалиста Ламенне. Однако Епископу Порфирию было присуще удивительное чувство меры, увлекшись некоторыми идеями и образами Ламенне, он быстро их перерос и оставил в стороне.

Нельзя не отметить, что ряд русских писателей и мыслителей также разделяли идеи Ламенне, но, как и Епископ Порфирий, до определенного предела. Русские писатели и философы, как правило, достаточно быстро уходили от крайностей учения Ламенне и его противоречий, главным из которых стало утверждение авторитета человеческого рода, а не разума человека. Нельзя не учитывать того, что Ламенне говорил о согласии всего человеческого рода, а критерием истины у него оказывалось согласие большинства людей.

Христианский социализм Ламенне остается именно социализмом, религия трансформируется тут из краеугольного камня в социально значимый фактор, объединяющий людей на основе свободы, равенства и братства.

Почему же русские писатели и философы так увлекались идеями Ламенне, после перерастая их? Напомним, что ранние взгляды Ламенне оказали значительное влияние на П. Я. Чаадаева. Очень близкими идеи Ламенне оказались поэту, писателю и переводчику А. Н. Плещееву. Сочинения Ламенне читали вслух участники кружка петрашевцев, через увлечение идеями французского аббата прошел и Достоевский. Более того, два самых крупных и известных русских писателя XIX в. – Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой – до конца сво-

их дней в целом положительно воспринимали идеи Ламенне.

Загадка популярности французского философа у русских мыслителей открывается довольно просто.

Во-первых, Ламенне очень умело и в верной тональности говорил о проблемах буржуазного общества, о слабых сторонах жизни Европы XIX в., о борьбе властителей и народов, угнетателей и угнетенных. Рассуждения Ламенне о чрезмерном и неограниченном использовании избранными людьми труда всего народа, о несправедливых судах, о преследовании инакомыслящих, о несправедливом разделении благ и земли очень остро были восприняты Ф. М. Достоевским, призывавшим многих учиться сердечности у русских мужиков и Л. Н. Толстым – адвокатом 100-миллионного земледельческого народа. Эти мысли о социальных несправедливостях в России в середине и второй половине XIX в. были более чем актуальны.

Во-вторых, в целом и Ламенне, и Епископ Порфирий, и Достоевский, и Толстой говорили о будущем единстве людей и их спасении, о свободе, братстве, любви и о христианстве, о вере. Однако эту вторую разгадку популярности идей Ламенне в России нельзя объяснить без описания той пропасти, которая оказалась между ним и Епископом Порфирием, русскими писателями. Ламенне фактически использовал религию для сцепления всего своего социального учения, своей философии, а у русских мыслителей вера, мысль о душе человеческой всегда была на первом месте и далее определяла все внешние факторы. В «Дневнике писателя» (январь 1881 г.) Достоевский писал: «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм!» [2, с. 18–19].

Идеи христианского социализма оказались нам так близки потому, что русский народ принципиально отличается от европейцев. В самые напряженные и ответственные моменты жизни русский народ становится причастен сознанию соборного единства, того в некоторой степени мистического чувства, которое выводит человека из обособленности, замкнутости. В то время как в Европе процветал и продолжает процветать культурный эгоизм, мы еще храним основы русской соборности. Если европейцам для объединения нужны определенные социальные схемы, если у них религия выступает внешним фактором объединения, то у нас открытая живая совесть, дар покаяния, неутолимый голод по религиозному осмыслению всей жизни и всего мира, неколебимая уверенность в возможности и необходимости единения человека с Богом роднят и объединяют людей в единое целое.

Библиографический список

1. Голубев С. Епископ Порфирий (Успенский). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/porfirij_Uspenskiy/ (дата обращения: 21.08.17)
2. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. [Текст] : в 30-ти т. – Т. 27 / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1984. – 459 с.
3. Ламенне Фелисите Робер де. Слова верующего. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/library/12_1/am/mene_1.htm (дата обращения: 21.08.17)
4. Успенский, П. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки : в 7 тт. Т. 3 [Текст] / П. Успенский. – СПб. : Издание Императорской академии наук, 1896. – 742 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Golubev S. Episkop Porfirij (Uspenskiy). [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://azbyka.ru/otechnik/porfirij_Uspenskiy/ (data obrashhenija: 21.08.17)
2. Dostoevskij, F. M. Poln. sobr. soch. : v 30-ti t. – T. 27 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L. : Nauka, 1984. – 459 s.

3. Lamenne Felisite Rober de. Slova verujushhego. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://krotov.info/library/12_1/am/mene_1.htm (data obrashhenija: 21.08.17)
4. Uspenskiy, P. Kniga bytija moego. Dnevniki i avtobiograficheskie zapiski. V 7 tt. T. 3 [Tekst] / P. Uspenskiy. – SPb. : Izdanie Imperatorskoj akademii nauk, 1896. – 742 s.

Reference List

1. Golubev S. Bishop Porfiry (Uspensky). [Electronic resource]. – Access mode: https://azbyka.ru/otechnik/porfirij_Uspenskiy/ (date of the address: 21.08.17)
2. Dostoevsky F. M. Complete works: in 30 v. – V. 27. – L. : Nauka, 1984. – 459 p.
3. Lamenne Felicite Rober de. Words of the believer. [Electronic resource]. – Access mode: http://krotov.info/library/12_1/am/mene_1.htm (date of the address: 21.08.17)
4. Uspensky P. Genesis by mine. Diaries and autobiographical notes. In 7 vol. V. 3. – SPb. : Issue of Imperial Academy of Sciences, 1896. – 742 p.